

ПОПЫТКИ КОМАНДИРОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ГЕРМАНСКО-АВСТРИЙСКИЕ ЛАГЕРЯ ПЛЕННЫХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Э.В. Старостенко (кафедра археологии и специальных исторических дисциплин)

Пребывание подданных Российской империи в германско-австрийском плену в годы Первой мировой войны вызывало серьезное беспокойство у военного командования страны. Беспокойство это было обусловлено проведением среди пленных солдат активной антироссийской и антиправославной пропаганды. Распространению нежелательных учений и идей должны были воспрепятствовать священнослужители Русской православной церкви. Так как деятельность попавшего в плен военного духовенства была ограничена, то ведомство при протопресвитере военного и морского духовенства с 1915 г. поднимает вопрос о необходимости командирования священников в лагеря пленных для религиозного обслуживания православных солдат.

О сложной ситуации в лагерях военнопленных неоднократно сообщали наблюдатели Красного Креста. Например, сестра настоятельница Е.Н. Ключарева в сообщении от 14 ноября 1916 г. указывала на то, что во многих германских лагерях заботами пленных устроены церкви и часовни, однако религиозные службы проводятся редко: «Для церковных служб и отпеваний (раз в 2–3 месяца) призывается в лагерь православный священник (австрийский подданный серб или галичанин), но как бы они добросовестно ни относились к своим обязанностям, они не могут вникнуть в духовные нужды наших пленных, между тем среди пленных идет пропаганда различных сект и толков, многие на это жаловались, прося присылать им книги духовного содержания, дабы иметь возможность противостоять пропаганде» [3, лл. 63–64]. В сербском лагере для пленных, по наблюдениям сестры, «священники почти никогда не посещают рабочих мест, таким образом пленные остаются совершенно без духовного руководства длительное время». В лагере в Венгрии и вовсе отмечалось полное отсутствие духовно-религиозной помощи: «Священники их [пленных] совершенно не посещают, между тем большая часть рабочих находится на рабочих местах около двух лет» [3, л. 68]. На основании увиденного настоятельница полагала, что вопрос об отправке к военнопленным православных священников необходимо решить в положительном ключе:

«Когда эти десятки тысяч людей снова вольются в наш народ, они должны сохранить все те духовные силы и религиозные устои, которые были всегда рычагом в нашей народной жизни» [3, л. 68].

Подобные сообщения не оставались без внимания протопресвитера. Например, на основании полученных донесений им был составлен рапорт в Святейший Синод, в котором обосновывалась необходимость отправки священнослужителей для обслуживания религиозно-нравственных нужд военнопленных. Протопресвитер указывал на угрозу влияния на российских пленных враждебных православию идей и течений: «В Австрии, например, своих русских священников пленные совсем не видят. Чуждые им, не понимающие ни языка, ни души их греческие и болгарские священники посещают лагеря один раз в месяц или два месяца. Зато члены союза христианской молодежи, по большей части евреи, баптистские и другие развратители набросились на них со всюю яростью, развращают их всеми способами» [4, л. 69]. Протопресвитер выражал обеспокоенность, что такая ситуация грозит опасностью возвращения из плена людей с убитой верой, «с погашенной любовью к Родине, с тлетворными убеждениями и порывами» [4, л. 69]. Ввиду согласия австрийского правительства на допуск русских православных священников для обслуживания лагерей военнопленных, Г.И. Шавельский просил принять меры, чтобы для выполнения этой задачи были отобраны «сердечные, энергичные и просвещенные» [4, л. 69 об.] священнослужители.

Но отбор священников для религиозного обслуживания попавших в плен подданных Российской империи оказался непростой задачей. Предполагалось привлечь для командирования в германско-австрийский плен духовенство епархий, пострадавших во время войны, где многие священники лишились своих приходов и стабильного дохода (Гродненская, Варшавская, Литовская епархии). Однако, вопреки неплохому финансовому обеспечению командированных, желающих оказалось немного.

По вопросу отправки духовенства в лагерь военнопленных Святейший Синод имел сношения с военным ведомством, Министерством иностранных дел и Министерством финансов. Через Министерство иностранных дел велась основная переписка с германским и австрийским правительствами, а министерство финансов должно было обеспечить материальную сторону мероприятия. Изначально Святейший Синод просил о выделении на командирование духовенства 50 000 рублей, в расчете 2 500 рублей на каждого священника, т. е. предполагалось, что на территорию Германии и Австрии будет командировано, по меньшей мере, 20 человек. Однако ввиду неопределенности данного мероприятия, сумма была снижена до 5 000 рублей [1].

Отправка священнослужителей в лагерь военнопленных осложнялась внешними обстоятельствами. Если австрийское правительство лояльно относилось к появлению русских священников, то германское тормозило данный процесс, а в итоге вовсе отказалось от его осуществления. Во входящем письме на имя протопресвитера от начальника генерального штаба по отделу и службе войск, датированном 29 ноября 1916 г., сообщалось, что уже с осени 1915 г. принимались меры к осуществлению командирования в Германию и Австро-Венгрию православных священников. «Однако, – как отмечалось в документе, – проведение в жизнь этого мероприятия, к сожалению, встречало упорное противодействие со стороны вражеских правительств, несмотря на то, что с нашей стороны, в силу принципа взаимности, было изъявлено согласие на командирование в Империю германских и австро-венгерских священников для попечения о духовных нуждах их соотечественников». В конце письма сообщалось, что данный вопрос остался нерешенным [5, л. 94]. Несколько позже на данную проблему обращала внимание императрица. В указе, предназначенном для протопресвитера военного и морского духовенства, от 20 февраля 1917 г. сообщалось о том, что Императрица повела озаботиться отправкой в лагерь Германии и Австрии православных священников:

«При этом ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было указать, что командирование названных священников должно быть произведено в спешном порядке с таким расчетом, чтобы они прибыли на места и могли приступить к исполнению пастырских своих обязанностей еще в текущем Великом посту и во всяком случае не позднее начала Страстной Седмицы» [2, л. 128]. Основными причинами, по которым данный процесс затянулся на столь продолжительное время, были названы дипломатические проволочки, а потом отказ со стороны Германского правительства. Однако данный вопрос в положительном ключе так и не был решен.

На основании вышеизложенного можно сделать выводы о том, что командирование православного духовенства в лагеря Германии и Австрии не состоялось по двум основным причинам. Первая носила внешний характер, и была связана с нежеланием Германии реализовать проект, а вторая – с небольшим числом добровольцев среди епархиального духовенства. Таким образом, духовное окормление русского воинства в плену осуществлялось пленными военными священниками.

Литература

1. Карпук, Д. А. К вопросу о пастырском служении православных священнослужителей в годы Первой мировой войны среди русских военнопленных на территории Германии и Австро-Венгрии [Электронный ресурс] / Д. А. Карпук // Санкт-Петербургская духовная академия. – Режим доступа: <http://spbda.ru/tags/svyaschenniki-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny/>. – Дата доступа: 15.01.2016.
2. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 128–129.
3. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 63–68.
4. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 69–69 об.
5. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 94–94 об.